

УДК 94(560)

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-1-96-103

**МЛАДОКУРДЫ И МЛАДОТУРКИ:
ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ
В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Михайлов В. В.

*Государственный университет аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
E-mail: batukom@mail.ru*

Исследуется малоизученный вопрос взаимоотношения младотурецкого и младокурдского движений в переломные для Османской империи годы, предшествующие революции 1908 г. Становление курдского самосознания и начало культурного и политического движения в конце XIX в. было воспринято в Османской империи неоднозначно. При этом, в отличие от армянского политического движения, лидеры османских курдов выражали полную приверженность центральному правительству и проводимым в империи реформам, целью которых отчасти было вовлечение курдского населения в более активное участие в экономической жизни. Показательно, что после победы младотурецкой революции 1908 г. в курдском обществе и среди его лидеров произошел раскол по отношению к новому правительству и его лозунгам. Курдское движение показало большую консервативность и приверженность традиционным исламским ценностям, а пантюркистскую проевропейскую идеологию младотурецкой политической верхушки в основной курдской массе не приняла. Тем не менее, в годы Первой мировой войны курды Османской империи сохранили верность правительству, активно ведя вооруженную борьбу с врагами империи.

Ключевые слова: история Османской империи, младотурецкое движение, младокурдское движение, младотурецкая революция 1908 г., газета «Курдистан», Общество Курдской Солидарности и Прогресса, Микдат Бедирхан.

Начавшиеся в середине XIX века в Османской империи модернизационные реформы, связанные с экономическими проблемами и потерей «пассионарности», способствовали не только политическому пробуждению в турецкой глубинке, но и началу социально-культурного самоосознания этносов, существовавших на имперской периферии. Можно говорить о двух направлениях этого процесса: с одной стороны, происходили внутренние процессы в самом обществе, связанные, в первую очередь, с обращением к собственной истории и попытками осознать эту историю в контексте мировой истории; с другой стороны, османские реформисты в своей политической борьбе использовали «периферийные» этносы в качестве своих потенциальных союзников, часто провоцируя в их среде социальное недовольство и стимулируя процессы национально-политического «пробуждения».

Реформистское движение в Османской империи, чтобы получить поддержку в массах, стремилось выработать идеологические принципы, которые бы оправдывали перемены, а также способствовали стабилизации общества, в котором эти перемены производили не только экономические сдвиги, но и возмущали

традиционное народное сознание. Так, в середине XIX в. Османская политическая верхушка выработала принципы «османизма», то есть идеология примата государственных принципов и интересов над религиозными. Однако идея «османизма» вскоре вступила в противоречие с другим набирающим политическую силу идеологическим движением, в котором главную роль играло не государство, слабеющее, терпящее одно за другим военные поражения и требующее реформ, но идея «нации». «Борьба арабов за независимость, армянская резня 1895–1896 годов, курдские волнения создали условия, при которых идея османского владычества значительно поблекла. «Панисламизм» сам по себе не предполагал особого положения Турции в ряду других мусульманских стран, и под знамёнами ислама порой велась и борьба за независимость от турков» [5, с. 157]. Так, в противовес «панисламизму» и «паносманизму» в Османской империи начало организовываться и приобретать политический вес движение «пантюркизма».

Можно сразу увидеть слабости новой идеологии в многонациональном османском обществе. И наиболее интересными, на наш взгляд, является политические успехи и противоречия новой османской идеологии в отношении двух видов национализма: тюркского и курдского. Эта тема сегодня особенно актуальна в связи с той ролью, которую курдское национальное движение играет в борьбе с исламским государством, и реакцией на усиление курдского национального самосознания современного турецкого правительства. Некоторые причины современных противоречий и конфликтов можно обнаружить в событиях конца XIX – начала XX вв.

Для мусульманских этнических групп в Османской империи, таких как арабы и большинство курдов, последняя имела авторитет как именно исламское государство, а ее глава – султан – как халиф всех мусульман. При этом, вхождение курдских мусульман в умму делает проблематичным их рассмотрение в качестве «репрессированного меньшинства». Османская элита включала в себя значительное число местных курдских авторитетов, следовательно, конфликта между лояльностью к османской империи и выражением этнической идентичности у курдских активистов не было [11, р. 24]. Тем не менее, как пишет известный российский историк М.С. Лазарев, «Курдистан в конце XIX – начале XX вв. стал одним из самых беспокойных районов Ближнего Востока» [4, с. 369].

«Первые восстания курдских племен в начале 90-х гг. XIX в., руководимые вождями отдельных племен, носили характер борьбы за местные преимущества» [4, с. 66]. Так, можно упомянуть стычку по поводу плохого состояния дороги, ведущей к дому курдского шейха Абдур-Реззак Бедрихана. В целом же политика султана Абдул Гамида II заключалась в идее инкорпорирования курдского населения в османскую имперскую систему, в первую очередь, как противовес в восточных вилайетах армянскому национально-религиозному сепаратизму. Эта проблема уже в 1878 г. приобрела международный характер, поскольку 56-я статья Берлинского трактата устанавливала требование от Порты реформ в провинциях, населенных армянами, и «гарантию безопасности против черкесских и курдских нападений» [18, р. 414]. В 1880–1881 гг. Турции пришлось выдержать нападение своего

восточного соседа – Персии, причем, шах активно привлекал курдские племена, как проживающие на персидской территории, так и пограничные турецкие для дестабилизации положения. Армянская проблема играла в этом важную роль, так, восставший в 1881 г. как против персов, так и против турок, курдский шейх Убейдулла считал, что «армяне готовятся создать независимое государство в Ване вместе с несторианцами (айсорами), подняв британский флаг и объявив себя британскими подданными, а турецкий губернатор-паша этому не препятствует» [11, р. 44]. Создание в 1880-х гг. армянских «революционных» политических партий «Гнчак» и «Дашнакцутюн» усилили курдские опасения в отношении армян. Открытие в Стамбуле кавалерийской школы (Hamidiye Süvari Mektebi) и создание в курдских районах местных отрядов иррегулярной конницы «гамидие», по примеру русских пограничных казаков, осуществлявшей как пограничные, так и жандармские функции, отвечало интересам курдских племенных авторитетов, одновременно, способствуя поддержанию лояльности к султанской власти в нестабильных восточных районах [16, р. 125–126].

Однако один аспект османской модернизации привел к образованию курдской интеллигентской оппозиции, основанной на совершенно иных основаниях национализма. Этот аспект связан с влиянием западной науки и цивилизационных стандартов, западной политики и западного образа жизни. Как показано в ряде исследований, идеология «пантюркизма» развилась из идей европейских этнологов, а лозунг «европеизации» стал одним из трех политических идей идеологии младотурецкого движения, наряду с «тюркизацией» и «модернизацией» [6, с. 49-51].

Младотурецкое политическое движение нельзя назвать демократическим, его лидеры исповедовали принцип «просвещения сверху», что вскоре после победы революции 1908 г. привело к силовому навязыванию населению новых форм социальной, экономической и идеологической жизни. Тем не менее, находясь в оппозиции Абдул Гамиду и султанской бюрократии, младотурки сумели сплотить чрезвычайно различные группы «недовольных» существующим режимом. При этом курдская оппозиция центральной власти (в первую очередь, экономическая, поскольку курды отказывались платить какие-либо налоги и военные сборы, а также передавать государственным чиновникам необрабатываемые земли [7, с. 67]), всегда существовавшая на периферии Османской империи, сыграла в этом процессе, приведшем к революции, немаловажную роль.

Поэтому не удивительно, что два влиятельных курдских интеллектуала, Исхак Сюкути и Абдулла Джевдет, стояли у истоков организации младотурецкого движения. Сын курдского авторитета Кюрд Саид-паши, Шериф-паша, назначенный послом Османской империи в Швеции, посылал партии «Единение и Прогресс» денежные пожертвования, а сыновья шейха Убейдуллы, молодые офицеры османской армии были вовлечены в так называемый заговор «военного министерства» в 1896 г. [12, р. 98–101]. При этом можно отметить, что вовлеченные в антиправительственную деятельность курды были в основном оторваны от курдского общества, входя в систему имперского османского истеблишмента. Так, о Шериф-паше персидский дипломат Хасан Арфа, бывший персидским посланником

в Швеции, когда Шериф-паша представлял там же Османскую империю, писал: «Это был типичный старый турецкий вельможа, приветливый, любитель шампанского, ночных варьете и вообще, хорошей жизни, для ведения которой у него вполне хватало средств» [14, р. 31]. Такого человека сложно назвать представителем революционного «младокурдского движения», поскольку он был совсем не молод, и, по сути, не совсем был курдом, и менее всего, разделял революционные социальные воззрения.

Тем не менее, движение такое все же было. В 1898 г. член известной курдской семьи Бедирхан, Микдат, стал выпускать в Каире газету «Курдистан». Газета включала материалы как на курдских диалектах (в основном, «кирманчи»), так и на турецком языке. Печатаемая критические заметки о султанской бюрократии, отсталости на местах, тем не менее, общий посыл редакции состоял в защите Османского государства, превращение его в сильную, авторитетную на мировой арене державу [11, р. 66-67]. Микдат Бедирхан писал в газете, обращаясь к султану: «Как известно Вашему Высочеству, курды были среди самых преданных наций, образующих Вечное Оттоманское государство, а Курдистан, гранича с его врагами, всегда защищал все попытки нападения на Анатолию» [11, р. 66]. Именно эта цель должна была превалировать в развитии курдского общества.

А такое развитие было необходимо, если курды претендовали на то, чтобы стать уважаемым в империи и мире народом. В одном из воззваний, распространяемых в Курдистане в конце 1890-х гг. писалось: «Курды! Наступающий век, это век учения. Время героических войн в горах прошло, все народы сегодня учатся в школах. Благодаря свету знания они получают права и свободу от угнетения» [17, р. 421]. Поэтому в «Курдистане» часто критиковалась система «гамидие», которая по утверждению брата Микдата, Абдурахмана Бедирхана, была организована «как и многие другие реформы султана, с коррупционными целями» [11, р. 67]. Впрочем, критику «младокурдов», аналогично младотурецким оппозиционным выступлениям, сложно было назвать демократичной. Так, в одном из номеров говорилось о назначенном командиром отряда «гамидие» в Диярбакыре члене племени миран Мустафе-паше. «Человек, который сейчас фактически оказался во главе племени, десять или пятнадцать лет назад был пастухом, которого называли «лысый Мисто» [11, р. 67-68].

Этот пример показывает, что именно центральная власть осуществляла в Курдистане вертикальное социальное движение, а младокурдские «реформаторы» видели в этом угрозу традиционному аристократическому племенному строю. В начале XX в. османская бюрократия активно привлекала курдское население к участию в экономической жизни страны. Считалось, что это станет возможным в ходе кампании по приведении курдских племен к оседлости. Для этого использовались разные методы. Так, после армянских репрессий 1896-1897 гг. в среде стали вербовать курдскую молодежь для работы в стамбульских доках как замену армянским рабочим в доках и портах [17, р. 423]. Однако в целом, политика «оседлости» не вызвала в курдской среде энтузиазма, и по сути, сошла на нет. Единственный аспект султанской реформаторской политики, который был признан

и обществом, и «младокурдскими» критиками, было создание племенной школы (Mekteb-i Aşiret) в Стамбуле, в которую «Курдистан» призывал посылать своих сыновей курдских племенных вождей, чтобы они «вошли в гражданскую службу, шаг за шагом возвысились до местных управителей, а затем – правителей вилайетов» [11, p. 71–72].

Большинство исследователей признают, что политической организации «младокурды» так и не создали, если не считать общество «Курдское общество (Kürdistan Azm-i Kavî Cemiyeti), действовавшее в Стамбуле в 1900-1905 гг., которое не все признают за политическую партию. В любом случае, влияние этого общества, как и нескольких малочисленных студенческих курдских групп, было слабым [13, p. 89–91; 9, p. 31].

После победы младотурецкой революции «объединительное движение «младокурдов» вызвало, скорее, конфликты в массе курдского населения. Выдвинув лозунги «свободы», «конституционализма» и «равенства», очень скоро лидеры нового правительства начали усиливать государственный экономический и политический контроль и государственную централизацию власти. В Курдистане это означало возврат земель, которые после армянских восстаний в 1896–1897 гг. были переданы курдам, а более, захвачены силами «гамидие». Саму кавалерию, несущую имя своего создателя – султана Абдул Гамида – сперва переименовали в «племенные полки легкой кавалерии» (Hafif Aşiret Alayları), а затем произвели полную реформу, включив в армию в качестве резервных частей и, следовательно, сделав их подсудными гражданским судам, чего раньше не было, и что составляло известную гордость членов «гамидие» [16, p. 214].

Некоторые племенные вожди, «испуганные возможной потерей своих привилегий, организовали восстания, направленные против младотурецкого правительства и поддерживающих их курдов» [7, с. 67]. Так, один из бывших фаворитов султана Абдул Гамида II, вождь курдского племени милли Ибрагим-паша, в свое время инициатор создания гвардии «гамидие» [10, p. 6], вел упорные бои с младотурками и после разгрома «бежал в горы Синджар (в Месопотамии), где был вскоре убит преследовавшими его турками» [1, с. 188].

В связи с этим, сложно определить как «промладотурецкую» деятельность во множестве организованных в 1908–1909 гг. «Курдских клубов» по примеру пантюркистских «Тюркских очагов». Вышло все наоборот, курдская грамотная общественность и местные авторитеты оказались на редкость исламистски и при этом, антиконституционалистски настроены. Сразу же после своей организации, были направлены в правительство множественные петиции с просьбами не применять конституционное законодательство, но сохранить на племенных территориях нормы шариата. Более того, во время неудавшегося контрреволюционного переворота в апреле 1909 г. члены Курдского клуба в Битлисе «под угрозой смерти заставили офицеров-младотурок подписать телеграмму в правительство Тевфик-паши с требованием полного применения шариатского суда по всей империи» [15, p. 118–120]. Не удивительно, что после подавления апрельского «мятежа», Курдские клубы были закрыты [11, p. 77].

Правительство стало более аккуратно подходить к вопросу о своей реформистской деятельности в Курдистане, и в первую очередь, в курдских вилайетах были открыты отделения партии «Единение и Прогресс». Впрочем, 15 сентября 1908 в Стамбуле организовалась группа из видных курдских оппозиционеров гамидовскому режиму, «Общество Курдской Солидарности и Прогресса» (Kürd Teavün ve Terakki Cemiyeti), члены которого приветствовали конституцию и «братство всех национальностей империи». В рамках клуба был избран «Административный комитет» (Heyet-i İdare), в состав которого вошли председатель Наим Ахмед Бабанзаде, а также Эмин Али Бедирхан, Саид Нурси, Бабанзаде Исмаил Хаки, Диярбекирли Ахмед Джемаль, Сулейманиели Тевфик и другие представители племенной курдской знати. Общество издало манифест, в котором указывались его цели: поддержка Конституции младотурецкого правительства, усиление связи курдов с общегосударственной системой империи (в частности, поддержка получения образования курдами образования в государственных турецких школах), устранение межнациональных и межплеменных конфликтов, публикация на унифицированном курдском языке работ образовательного характера, по ведению хозяйства и ремеслу [8, p. 107–108]. Общество стало издавать газету с названием, повторяющем название общества. Однако при все своем османском направлении, общество было распущено младотурецким правительством спустя менее года после своего образования, вышло всего девять номеров газеты.

Неудачи младотурецкого правительства на международной и внутренней арене в последующие годы, потеря Триполитании и эгейских островов в итало-турецкой войне, отделение Албании, разгром турецкой армии в Первой балканской войне, не способствовали тому, чтобы младокурдское политическое движение, видящее для себя перспективу в усилении османского могущества, получило серьезное развитие. Младотурецкое правительство все ближе и тверже воспринимало пантюркистскую идеологию, в которой курдам места уже не было. Курдский национализм в этих условиях должен был найти другие пути реализации этно-либеральной идеи.

Удивительна судьба еще одного, помимо уже упоминавшихся Микдата и Абдурахмана, члена семьи Бедирхан – Абдуррезака – который в начале века выступил с идеей подчинения курдов Российской империи, дабы избежать постоянных турецко-персидских вооруженных столкновений в Курдистане, в которых как шах, так и султан активно использовали курдские племена, зачастую вынуждая их воевать друг с другом.

В декабре 1911 г. под влиянием Абдуррезака несколько курдских вождей на границе Турции и Персии послали обращение к русскому консулу в Багдаде с согласием на переход в подданство Российской империи в обмен на сохранение существующих земельных отношений [2, л. 210]. В среде курдских шейхов начали преобладать антиправительственные настроения. К 1913 году возникла идея общекурдского восстания с целью создания автономного курдского бейлика (княжества), которое его лидеры – сыновья курдского вождя Бедир-хана – предполагали поставить в зависимость от России [4, с. 206]. В 1914 г., вскоре после

начала войны в Европе, консул в Битлисе сообщал о словах одного курдского торговца: «Хоть бы скорее пришли русские, и мы избавились бы от этого бездарного турецкого правительства» [3, л. 98–99].

Вступление Османской империи в Первую мировую войну полностью изменило расстановку сил на политической арене как турецких, так и курдских национальных движений.

Список использованных источников и литературы

1. Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок (1908–1914 гг.). М., 1972.
Aliiev G. Z. Turtsiia v period pravleniia mladoturok (1908–1914 gg.). M.: Nauka, 1972. – 388 s.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Посольство в Константинополе», 1907–1913. Д. 3572.
Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI). F. «Posol'stvo v Konstantinopole», 1907–1913. D. 3572.
3. АВПРИ. Ф. «Посольство в Константинополе», 1914. Д. 1404.
AVPRI. F. «Posol'stvo v Konstantinopole», 1914. D. 1404.
4. Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891–1917 гг.). М., 1972.
Lazarev M. S. Kurdskiy vopros (1891–1917 gg.). M.: Nauka, 1972. – 472 s.
5. Михайлов В. В. Британия и Россия в решении внутривосточных противоречий в Османской империи в годы I Мировой войны. СПб.: Изд-во «Нестор», 2007. – 283 с.
Mikhailov V. V. Britaniia i Rossiia v reshenii vnutripoliticheskikh protivoreshchii v Osmanskoii imperii v godi I Mirovoi voini. – Spb.: Izd-vo «Nstor», 2007. – 283 s.
6. Михайлов В. В. Идеология «пантюркизма» и мусульманство накануне распада Османской империи // Религия в мировой истории и культуре. Материалы 11 Санкт-Петербургских религиозно-научных чтений 23–26 нояб. 2004 г. – СПб.: Изд-во Гос. муз. истории религ., 2004. – С. 96–98.
Mikhailov V. V. Ideoia «panturkizma» i musulmanstvo nakanune raspada Osmanskoii imperii // Religia v mirovoi istorii i kulture. Materiali 11 Sankt-Peterburgskikh religiovedcheskikh chtenii 23–26 noyabia 2004 g. – SPb.: Izd-vo Gos. muz. istorii relig., 2004. – S. 96–98.
7. Михайлов В. В. Политика России и Британии в решении курдского вопроса в период Первой мировой войны // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 2: Исторические науки. – 2007. – Вып. 1. – С. 66–78.
Mikhailov V. V. Politika Rossii i Britanii v reshenii kurdsogo voprosa v period Pervoi mirovoi voiny // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Istoricheskie nauki. – 2007. – Vyp. 1. – S. 66–78.
8. Aslan Azad. The Clash of Agencies: The formation and failure of Kurdish nationalism, 1918–1922. Ph.D. diss., Royal Holloway and Bedford Collage London, 2007.
9. Cemal-Paşa [Zinar Silopi]. Doza Kurdistan: Kürd Milletinin 60 Yıllık Esaretten Kurtuluş Savaşı Hatıraları. Ankara: Özge, 1991.
10. Delan Handren. The plight of Kurdish Nationalism: Critical Analysis of the Kurdish National Movement in Turkey, Iraq, Iran and Syria around the First World War. A thesis submitted to the Department of Political Science and Public Policy of the University of Waikato In the Fulfillment of the Requirement for the degree of Master of Arts, 2007.
11. Djene Rhys Bajalan. Kurds for the Empire: The Young Kurds (1898-1914). İstanbul Bilgi Üniversitesi. Sosyal Bilimler Enstitüsü. Tarih Yüksek Lisans Programı 2009.
12. Hanioglu Sultan. The Young Turks in opposition New York: Oxford University Press, 1995.
13. Hanioglu Şükrü. Preparation for a Revolution: The Young Turks, 1902-1908. New York: Oxford University Press, 2001.
14. Hasan Arfa., The Kurds. London: Oxford University Press, 1966.
15. Jwaideh Wadie. The Kurdish nationalist movement: Its origins and development: Its origins and development. Ph.D. diss. Syracuse University, 1960.

16. Klein J. Power in the Periphery: The Hamidiye Light Cavalry and the Struggle over Ottoman Kurdistan, 1890–1914. Ph.D. diss. Princeton University, 2002.

17. Reynolds M. A. Abdürrezzak Bedirhan. Ottoman Kurd and Russophile in the Twilight of Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 12, 2 (Spring 2011). 411–450 p.

18. The Treaty of Berlin // Hurewitz Jacob C., ed. *The Middle East and North Africa in World Politics*. New Haven: Yale University Press, 1975. – 818 p.

Mikhailov V. V. Young Kurds and young Turks: features of national-political movements in the Ottoman Empire in the late XIX – early XX centuries.

The article examines the little-studied question of the relationship between the young Turk and young Kurd movements in the crucial years for the Ottoman Empire preceding the revolution of 1908. The formation of the Kurdish identity and the beginning of the cultural and political movement in the late XIX century. it was received ambiguously in the Ottoman Empire. Thus, unlike the Armenian political movement, the leaders of Turkey's Kurds expressed the full commitment of the Central government and the Empire reforms, whose purpose in part was to involve the Kurdish population in a more active participation in economic life. It is significant that after the victory of the young Turk revolution of 1908, there was a split in Kurdish society and among its leaders in relation to the new government and its slogans. The Kurdish movement showed great conservatism and adherence to traditional Islamic values, while the pan-Turkist Pro-European ideology of the young Turk political elite was not accepted by the main Kurdish mass. Nevertheless, during the First world war, the Kurds of the Ottoman Empire remained loyal to the government, actively waging an armed struggle against the enemies of the Empire.

Keywords: history of the Ottoman Empire, young Turk movement, young Kurd movement, young Turk revolution of 1908, Kurdistan newspaper, society of Kurdish Solidarity and Progress, Mikdat Bedirhan.